

Б. Н. ПРОЦЕНКО

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ СЛОВАРНОЙ ГРУППЫ И БАЛТО-СЛАВЯНСКАЯ ПРОБЛЕМА

Лексические данные, судя по публикациям последних лет, играют все более важную роль при решении сложных вопросов этно- и глоттогенеза. На смену малопоказательным спискам слов, долженствующим подтвердить доказываемую гипотезу или выдвинутое положение, приходят развернутые, доказательные исследования больших лексических массивов, в которых учитываются не только аргументы „за“ и „против“ (работы О. Н. Трубачева, В. В. Мартынова и др.), но и настойчиво ведется поиск критериев, по которым можно было бы определить значимость (ценность) лексических средств доказательства определенного хода древнейших этноязыковых процессов. Если призыв изучать балто-славянскую проблему комплексно применить к исследованиям в области лексики родственных языков, то комплексность в данном случае будет означать исследование исторического развития не отдельных лексем, а более или менее дробных словарных групп, исследование как внешней (появление новых слов в группе, исчезновение архаизмов и т. п.), так и внутренней (семантические сдвиги в результате взаимодействия в семантических микросистемах) истории. Выбор словарных групп для изучения достаточно субъективен, но субъективизм по необходимости сдерживается историческим коррективом: члены группы должны иметь достаточную древность и быть изначально и тесно связанными с образом жизни данного этнического коллектива. Названия домашних животных, в том числе собаки, в балтийских и славянских языках отвечают этим требованиям.

Собака, по всеобщему признанию, является первым одомашненным человеком животным: кости собак находят при раскопках даже там, где нет и признаков других домашних животных. Являясь верным спутником человека, собака постепенно эволюционировала в своей функции домашнего животного от своеобразного „санитара“ стоянок древних людей, поедающего остатки пищи, до стража домашнего очага и стада домашних животных, деля эту свою основную обязанность с обязанностью помощника человека на охоте за дикими животными и, позднее, птицами.

Наша методика исследования лексики двух языковых групп, находящихся в условиях взаимодействия, предполагает вначале обращение к материалу каждой из этих групп. В кинологической лексике мы избираем как наиболее показательные лексемы двух лексических микрополей: поло-возрастные названия и названия охотничьих собак. Обратимся к славянскому материалу.

Хотя славянские языки не знают индоевропейского названия пса, представленного, напр., лат. *canis*, лит. *šiuõ*, это отнюдь не означает позднего знакомства протославян с животным. Древнейшим, зафиксированным во всех славянских языках названием животного справедливо всеми исследователями считается праслав **rьsь* общее название 'собака', которому противопоставлена лексема праслав. **šćene* 'детеныш собаки', что позволило О. Н. Трубачеву заметить: „Характер поздней инновации отдельных славянских языков носит выдвижение термина для суки и в целом вышеупомянутое трехчленное отношение: мужской термин — женский термин — название молодого животного. Для праславянского реально восстановимо более простое, двучленное противопоставление *rьsь — šćene* при неактуальности женского термина“¹. Значит ли это, что лексемное заполнение „клеточек“ данной лексической микросистемы — факт позднейшей истории славянских языков?

С точки зрения прагматической отсутствие дифференцированных по полу вполне оправданно: как мужская, так и женская особи имели одни и те же хозяйственные функции. И тем не менее некоторыми особенностями экстерьера и поведения женская особь выделялась. Нашло ли это отражение в языке?

Древнейшие индоевропейские языки имеют лишь общее название животного: лат. *canis* (*m* и *f*) и под., в славянских же языках с семантическим дифференциальным признаком 'женская особь' известны две лексические изоглоссы: восточно- и западнославянская типа др.-рус. *сука*, причем в полабском с изменением семантики: полаб. *sauko* — 'потаскуха', и южнославянская типа болг. *кучка* ономатопоэтического, как считает О. Н. Трубачев², характера: от подзывания **kut-/*kič-/*kuc*, ср.: рус. *кутёнок*, словц. *kot'uha*, болг. *куче* и под.

Гораздо труднее этимологизируется рус. *сука* и под. На основании ст.-польск. *sula* выделяется суффикс -к- (см.: [Трубачев, 1960, с. 22]). Далее предлагается альтернатива: либо принять точку зрения Остгофа, согласно которой праслав. **suka* родственно и.-е. **kiōn*, причем эта точка зрения тут же подвер-

¹ Трубачев О. Н. К вопросу о реконструкции различных систем лексики // Лексикографич. сб. М., 1963. Вып. 6. С. 12.

² Трубачев О. Н. Происхождение названий домашних животных в славянских языках. М., 1960. С. 25 (далее — Трубачев, 1960).

гается сомнению, либо отказаться от всякой попытки этимологии³. Главным препятствием к сближению праслав. **suka* с и.-е. **kiōn* считается „противоречие известным данным об эволюции в славянском древних основ на согласный -n“ [Трубачев, 1960, с. 22]. Но это справедливо для и.-е. **kiōn*, а не для его суффиксального производного: суффикс -k- мог присоединиться к усеченному корню **ku-*. Активность же -k- как суффикса *potina femininum* общеизвестна (ср. лит. *oškà* и под.). Нам кажется приемлемой этимология Остгофа, поддерживаемая, кстати, и М. Фасмером⁴ и А. Брюкнером⁵, тем более, что и в старопольском формант -l- присоединяется не ко всему и.-е. корню **kiōn*, а, как и -k-, к усеченной его части **ku-* > **su-*.

На основании этих данных процесс формирования лексической микросистемы поло-возрастных названий в праславянском языке представляется нам в следующем виде. Утрата индоевропейского названия животного и замена его праслав. **rьsь* происходит в результате борьбы между этими лексемами внутри семантической микросистемы **kiōn* : **rьsь*, причем последняя закрепляется в качестве основного общего названия животного ввиду прозрачности мотива называния: **rьsь*, как и праслав. **rьstrь*, восходит к и.-е. **pik-/peik-* ‘пестрый’, ‘делать пестрым’ (в этом случае мы полностью разделяем тезис О. Н. Трубачева о том, что „называние собаки по масти — это бесконечно повторяющийся процесс [Трубачев, 1960, с. 19]).

Оказавшись излишней, лексема и.-е. **kiōn*, однако, не исчезает вовсе, а меняет семантику, получая с помощью суффикса -k- новый семантический дифференциальный признак ‘женская особь животного’. Таким образом, мы считаем лексему **suka* протославянской, а лексическая микросистема для этого периода реконструируется в виде **rьsь — ø — *suka — *šcēŋ* (знаком ø мы обозначаем отсутствие в протославянском лексемы с семантическим дифференциальным признаком ‘мужская особь животного’).

Отсутствие праслав. **suka* в южнославянских языках такому выводу не противоречит, так как находит свое объяснение в широком распространении в разных гетерогенных языках названий собаки от оноματοпоэтического корня **kut-/kič-* (ср.: лтш. *kuse* ‘сука’, венгр. *kutya*, коми *kitši*, *kutši* ‘песик’). У нас нет никакого основания усомниться в их значительной древности, следовательно, и их известности уже протославянам, причем в разных диалектах с разными семантическими дифференциальными признаками. Более того, некоторые факты позволяют говорить о различных тенденциях развития данной

³ Ср.: Трубачев, 1960, с. 21–22; Sabaliauskas A. Baltų kalbų naminių gyvulių pavadinimai // Baltų ir slavų kalbų ryšiai. Vilnius, 1968. P. 105–106 (далее — Sabaliauskas).

⁴ См.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1971. С. 798.

⁵ См.: Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1970. S. 525.

лексической микросистемы в западно- и восточнославянских языках, с одной стороны, и в южнославянских языках — с другой. Вот как, напр., представлены члены лексической микросистемы в современном русско-болгарском словаре: ‘кобель’ — *пес, мъжко куче*, ‘пес’ — *пес, куче*, ‘собака’ — *куче*, ‘сука’ — *кучка*, ‘щенок’ — *кученце, кутре*⁶. По данным С. Б. Бернштейна, болг. *щене* в настоящее время является диалектным словом⁷. В македонском — ‘собака’ — *куче*, ‘сука’ — *кучка*. В сербскохорватском языке — ‘щенок’ — *кѹче* и *пѹшче*, ‘собака’ — *кѹцов* и *пѹс*, *псето* и т. д.⁸ По всей видимости, в южнославянских языках постепенно шла перестройка лексической микросистемы в сторону повышения продуктивности образований от корней **kut-/*kuš-* с постепенным вытеснением на периферию лексического микрополя названий пса праславянских элементов, причем в результате этого процесса еще в дописьменный период было утрачено название самки — праслав. **suka*. Западные и восточные славянские языки в этом отношении консервативнее, а сохранению в этих языках праслав. **suka* способствовали территориальные контакты западных и восточных славян с балтами, сохранившими индоевропейское название пса.

Процесс формирования лексической микросистемы поло-возрастных названий в славянских языках в дописьменный период не закончился, поскольку не было лексемы с семантическим дифференциальным признаком ‘мужская особь’, представленным, по-видимому, в семантике праслав. **ръсь*. Но история появления лексем рус. *собака*, *кобель* и некоторых других не имеет никакого отношения к интересующей нас проблеме, поэтому мы на ней не останавливаемся.

Вторую важную лексическую микросистему в славянских языках образуют названия охотничьих собак. Здесь их довольно много, но бесспорно праславянскими являются два — **vyžььь* и **xьrtь*. Оба слова широко распространены в славянских языках, нередко образуя бинарную оппозицию лексической микросистемы поло-возрастных названий с семантическими дифференциальными признаками ‘общее название’ — ‘сука’.

Для выяснения первоначального набора семантических дифференциальных признаков большое значение имеет их этимология. Для праслав. **vyžььь* наиболее приемлемой оказывается точка зрения А. Брюкнера, который считает это слово образованием с помощью суффикса *-g-* от глагола **vyti*⁹, под-

⁶ Руско-български речник / Под ред. Влахова С., Людсканова А., Тагамлицкой Г. А. София, 1960. Т. 1. С. 514. Т. 2. С. 76, 507, 776.

⁷ Бернштейн С. Б. Болгарско-русский словарь. М., 1966. С. 726.

⁸ Сербско-хорватско-русский словарь / Сост. И. И. Толстой. М., 1970. С. 232, 368, 370, 486.

См.: Brückner A. Op. cit. S. 640.

держанная О. Н. Трубачевым (ср.: [Трубачев, 1960, с. 24]) и Н. М. Шанским¹⁰. Сложнее оказывается вопрос об этимологии праслав. **xьrtь*. О. Н. Трубачев предполагает балто-славянскую инновацию: „Слав. *xьrtь* образовалось, по видимому, из **srtь* (с развитием $x < s$ в приставочных и других сочетаниях по „правилу Педерсена“); последняя форма с нулевой ступенью корневого гласного родственна лит. *saĩtas* ‘светло-гнедой (о лошади)’, ‘желтоватый’ [Трубачев, 1960, с. 23]. В. В. Мартынов считает, что нельзя „оставлять без внимания омонимичный и.-е. **ser* — ‘бежать, спешить, гнать’, др.-инд. *sáрати* — ‘гонит, преследует’, др.-греч. ὄρμαω — ‘бросаюсь, нападаю, спешу, бегу’ и др. Праслав. *xьrtь* генетически тождественен др.-инд. *srtah*, причастной форме от глагола *sarati* ‘гонит, преследует’, т. е. допускающей значение ‘гончая’“¹¹. Добавим, кстати, что у Гомера и Ксенофонта др.-греч. ὄρμαω имеет также значение ‘начинать преследование’, ‘бросаться в погоню’¹². Развивая эту точку зрения, В. В. Мартынов в новейшей работе приходит к выводу, что „др.-инд. *srtah* должно соответствовать древнеиранское лексикализованное причастие **hьta*, которое мы считаем источником прасл. *xьrtь*“¹³. Эта этимология представляется нам верной ввиду того, что она лучше объясняет мотив названия собаки определенного назначения: мотив окраски тут не мог быть определяющим.

По всей видимости, еще в праславянскую эпоху словами **вузььль* и **xьrtь* называли разных по функциям охотничьих собак. **Вузььль* — это гончий пес, который должен поднять дичь, оповестив об этом лаем, и гнать ее с лаем же на охотника. **Хьrtь* — это пес, преследующий, загоняющий дичь без лая, борзая. Различались эти животные и по экстерьеру. Устойчивость этих лексем праславянского языка объясняется не только внешними причинами, но и действием интралингвистического фактора. Праслав. **xьrtь* семантически тяготело к праслав. **bьrзь* ‘быстрый’, которое в сочетании с праслав. **рьсь* (**bьrзь рьсь*) обозначало ту же собаку, что и **xьrtь*. Эти причины препятствовали взаимодействию праслав. **xьrtь* и **вузььль*. Любопытно, что в старорусском языке¹⁴ с возникновением существительного *борзая* ‘быстрая собака’ возникает семан-

¹⁰ Ср.: Этимологический словарь русского языка / Автор-составитель Н. М. Шанский. М., 1963. Т. 1. Вып. 1. С. 223.

¹¹ Мартынов В. В. Славянская и индоевропейская аккомодация. Минск, 1968. С. 136–137.

¹² Древнегреческо-русский словарь / Сост. И. Х. Дворецкий, под ред. С. И. Соболевского. М., Т. 2. С. 1193.

¹³ Мартынов В. В. Язык в пространстве и времени. К проблеме глоттогенеза славян. М., 1983. С. 49.

¹⁴ См.: Этимологический словарь русского языка / Автор-составитель Н. М. Шанский. Т. 1. Вып. 2. С. 167–168.

тическая микросистема *борзая:хортъ*, в которой *борзая* как слово с прозрачной этимологией оттесняет лексему *хортъ* на периферию лексического микрополя, становясь общеупотребительным названием охотничьей собаки (С. И. Ожегов вообще не приводит слова *хорт* в своем „Словаре русского языка“). К тому же времени относится и возникновение семантической микросистемы *выжьль:гончая*, с той лишь разницей по результатам взаимодействия, что праславянский термин в виде суффиксального производного *выжлец* получил новый семантический дифференциальный признак ‘гончий кобель’¹⁵ (о времени появления лексемы *гончая* см.¹⁶).

Древний характер имеет название охотничьей собаки, распространенное в южно- и западнославянских языках: срб.-хорв. *огар*, польск. *ogar* и под. Обнаруживается оно с тем же значением в тюркских, венгерском, осетинском языках и нек. др. На славянской почве, по мнению О. Н. Трубачева, „это слово могло довольно скоро сблизиться с исконным **gorěti*, **ogarъ*, **ogarькъ*, рус. *огарок* по той причине, что у этих собак имелись характерные подпалины“ [Трубачев, 1960, с. 26]. Распространенность лексемы в ряде языков Кавказа и Балкан заставляет нас видеть в нем своего рода кочующий культурный термин, проникший в славянские языки из тюркских и, возможно, сблизившийся в них с исконным словом **gorěti*, так что на основе этого сближения произошла его деэтимологизация, в результате которой слово получило семантический дифференциальный признак ‘гончая с характерными подпалинами на шее’.

В сербскохорватском языке *огар* занимает место на периферии лексического микрополя, будучи известным лишь в диалектах, причем с семантическим дифференциальным признаком ‘борзая’. Однако, по-видимому, взаимодействие лексем в семантической микросистеме срб.-хорв. *огар:вйжел* не прошло бесследно для последней: *вйжел* — ‘легавый пес’, а не ‘гончая’, для обозначения которой применяется лексема *зечар* более позднего образования с прозрачной этимологией: *зечар* < *зѣц* ‘заяц’, т. е. ‘заячий пес’. Таким же поздним названием является и срб.-хорв. *бонца* с семантическим дифференциальным признаком ‘борзая’, сосуществующее с срб.-хорв. *хрт*, не вступая с ним во взаимодействие.

Более детальной перестройке подверглась болгарская лексическая микросистема, в которой проникший тюркизм принял вид болг. *загар* с семантическим дифференциальным признаком ‘гончая’, что вполне допустимо: тюркское название собаки проникло в славянские языки устным путем, и в болгарском

¹⁵ См.: Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1972. С. 105.

¹⁶ Этимологический словарь русского языка / Под ред. Н. М. Шанского. Т. 1. Вып. 4. С. 129.

на основе сближения с болг. *горя* 'гореть' произошла смена префиксов. Тюркизм занял очень активную позицию в лексической микросистеме, вытеснив из языка праслав. **vyžььь* с семантическим дифференциальным признаком 'гончая' и заняв его место. Таким образом, возникшая в болгарском языке семантическая микросистема **vyžььь* : *загар* в результате взаимодействия входящих в нее лексем привела к преобразованию старой лексической микросистемы **vyžььь* — *хрът* в новую лексическую микросистему *загар* — *хрът*. Диалектное название охотничьей легавой собаки *копой* в этом процессе участия не принимало.

В польском и чешском языках проникший тюркизм повлек за собой более детальную дифференциацию названий охотничьих собак, причем опять-таки в возникших семантических микросистемах взаимодействуют лексем польск. *wyżel:ogar*, чеш. *wyžel:ohař*, в результате чего последние получают семантический дифференциальный признак 'гончая', а первые — новый семантический дифференциальный признак — 'легавая собака'. Польск. *chart* и чеш. *chrt* своего семантического дифференциального признака не меняют.

Таким образом, тюркское название охотничьей собаки, несмотря на древность, следует считать не общеславянским, а локальным юго- и западнославянским проникновением, довольно активно повлиявшим на судьбу праславянской лексической микросистемы в этих языках.

Рассмотренный процесс возникновения и развития лексического микрополя названий пса в славянских языках на древнейших этапах их существования показывает не только то, как шло накопление новых лексических единиц и трансформация старых, но и интенсивное семантическое взаимодействие лексем этого поля, выразившееся в возникновении ряда семантических микросистем.

Лексическое микрополе названия пса в балтийских языках представлено сравнительно компактной группой слов, причем лишь некоторые отличаются значительной древностью. Родовое название пса (лит. *šiuð*) восходит к и.-е. **kiōn*, но в балтийских языках нет сколько-нибудь древнего общего названия для детеныша. В литовском языке семантический дифференциальный признак 'детеныш' имеют однокоренные с родовым названием лексем *šunýtis*, *šunūkas*, в латышском — однокоренные с названием самки лексем *kucēns*, *kuciņš*. Это означает, что для прабалтийского мы не можем восстановить столь обычную и регулярную в индоевропейских языках оппозицию лексем с семантическими дифференциальными признаками 'взрослая особь' — 'детеныш'. Учитывая историю развития лексической микросистемы поло-возрастных названий в славянских языках, можно предположить, что общее название щенка было утеряно в балтийских языках бесследно в очень древнюю эпоху.

При этом бросается в глаза явная асимметрия первоначального этапа развития лексической микросистемы поло-возрастных названий в балтийских и славянских языках: протослав. *ø* — *ščene*, протобалт. *šuo* — *ø*.

С семантическим дифференциальным признаком ‘самка’ в литовском языке известна лексема *kalė*, а в латышском две: *kuce* и *kuņa*. Лит. *kalė*, по утверждению А. Сабалиускаса [Sabaliauskas, p. 107—108], является новообразованием литовского языка, связанным с прилагательным **kalas* ‘белопятнистый, пестрый’, производные которого — лит. *kalýbas* ‘белый (о шее пса)’ и *kalývas* ‘белый’ — употребляются в современном языке только по отношению к собаке.

Лтш. *kuce* ‘сука’ имеет звукоподражательный характер и множество производных (ср.: [Sabaliauskas, p. 203, 108]).

В балтистике нет убедительного объяснения происхождения изолированного лтш. *kuņa* ‘сука’. Попытка К. Буги связать это слово с лит. *šuo* не правдоподобна. И. М. Эндзелин считал лтш. *kuņa* результатом контаминации двух форм: **suņa* и *kusa*. Разделяя это мнение, А. Сабалиускас допускает в данном случае и участие в контаминации звукоподражания *kut-/kuč-* (*kuc* suņa > kuč kuņa*) (см.: [Sabaliauskas, p. 109]). Слабым местом в этом объяснении является незафиксированное **suņa*.

Возможно, следует более пристально рассмотреть характер отношений между лтш. *kuņa* и кашуб. *kuna* ‘сука’, причем для последнего языка более логичным будет предположение о некогда существовавшей, наряду с зафиксированной *séka* ‘сука’, лексеме **suņa*, родственной праслав. **suka* (ср.: ст.-польск. *sula* с иным формантом).

В таком случае процесс контаминации **suna* с *kut-/kuč-* произошел не в латышском, а в кашубском языке, и, следовательно, направление проникновения меняется на противоположное. В семантической микросистеме *kuce : kuņa* славизм является слабым элементом, будучи известным лишь в разговорном языке, что легко объяснить его проникновением из кашубского языка устным путем. Таким образом, основная лексическая микросистема балтийских языков предстает в следующем виде (мы полагаем, что подобное лексическое наполнение лексической микросистемы поло-возрастных названий было характерно и для протобалтийских диалектов эпохи балто-славянского языкового взаимодействия):

лит. *šuo* ‘пес’

лит. *šuo* ‘кобель’ — лит. *kalė*, лтш. *kuce : kuņa* ‘сука’

лит. *šunỹtis* ‘щенок’

Как видно, лексемное наполнение лексической микросистемы половозрастных названий разительно отличается в двух контактирующих группах языков.

Отметим при этом, что в западной части балтийского ареала корни *kut-/kuč-* так же активны, как и в южнославянских языках.

История названий охотничьих собак в балтийских языках при ближайшем рассмотрении оказывается историей заимствований соответствующих слов из славянских языков: лит. *kùrtas* 'борзая', лтш. *kurts*, др.-прус. *curtis* < праслав. **xǫrtь*; лит. *vižlas* 'гончая', лтш. *vizulis*, др.-прус. *wuysis* (*wuysis*) < праслав. **vyžьlbь*. Оба названия заимствованы из праславянского языка, о чем свидетельствует корневая огласовка балтийских слов. Другие названия гончей или ищейки в балтийских языках можно охарактеризовать как проникновения позднейшего периода из конкретных славянских языков: лит. *goñčas* < блр. *гончы* или польск. *gończak* 'гончая', др.-прус. *slidenikis* < польск. *slednik* 'ищейка'. Калькой этого польского слова следует считать лит. *pėdsekỹs* 'ищейка' (лит. *pėdsakas* 'след'). В балтийские языки из славянских заимствовано название пса по цвету шерсти: лит. *sabalas*, лтш. *sabulis* < рус. *соболь*. Отметим кстати, что обратного процесса, т. е. заимствований и проникновений балтийских названий собаки в славянские языки, как будто не обнаруживается. Рус. диал. *сколуха*, *сколушка* 'гончая', которое вслед за В. И. Далем¹⁷ соотносят с диалектным же глаголом *сколить* 'скулить, лаять' (см.: [Трубачев, 1960, с. 34]), почти точно соответствует лит. *skalikas* 'непрерывно лающая(!) собака', 'гончая' (ср. с лит. *skālyti* 'визжать', 'выть') и др.-прус. *scalenix* 'легавый пес'. Однако непосредственных связей между костр. *сколуха* и лит. *skalikas* не обнаруживается, поскольку в литовском это слово образовано от глагола, заимствованного из польск. *skolić*.

Проанализировав историю формирования лексического микрополя названий пса в балтийских и славянских языках, мы можем прийти к очевидному выводу о параллельном и независимом развитии этих лексических микрополей в отдаленном прошлом, когда общее не выходило за рамки процессов, характерных для всех индоевропейских языков, и об интенсивных контактах языков в более позднюю эпоху, выразившихся в большом количестве заимствований в лексическую микросистему названий охотничьих собак из славянских языков в балтийские при отсутствии противоположного движения. Для нас важно также подчеркнуть то обстоятельство, что речь в данном случае идет о формировании лексического микрополя названий животного, ранее других прирученного человеком и известного ему исконно.

¹⁷ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / Под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ. М., 1914. Т. 2. Стлб. 202.